

Исаак Моисеевич Яглом — выдающийся просветитель

А. Д. Мышкис

Я познакомился с Исааком Моисеевичем Ягломом (тогда его все называли Исей, а ниже я для краткости буду называть его И. М.) в 1938 г., когда он поступил на мехмат МГУ (я был на курс старше), а его брат-близнец Акива Моисеевич (он же Кика) — на физический факультет. Сам я тогда учился на мехмате. В те годы мехмат размещался на верхнем этаже университетского здания на Моховой улице и все, кто здесь учился, регулярно встречались друг с другом. Студенты соседних курсов, посещавшие факультативные лекции и семинары, легко знакомились и живо обсуждали различные научные и ненаучные вопросы. Общительный характер и широкий круг интересов привлекали к И. М. многих мехматовцев. Знали мы и его брата, так как оба они фактически учились одновременно на двух факультетах, сдавая экзамены и на мехмате и на физфаке.

Внешне братья Ягломы были поразительно похожи и о них говорили, что они порой ходили на экзамены и даже на свидания друг за друга (они, правда, всегда это отрицали). Я так и не научился их различать. Встречаясь с одним из них, я или пытался в ходе разговора угадать, с кем я говорю, или просто спрашивал: «А ты кто, Ися или Кика?»

С самого начала учебы в МГУ отчетливо выявились две основные привязанности И. М. — к геометрии и к математическому образованию. Интерес к геометрии проявлялся в активном участии в семинарах Б. Н. Делоне и В. Ф. Кагана, посвященных геометрической тематике. Что касается математического образования, то И. М. сразу же вошел в группу энтузиастов, душой которой был учившийся на курс старше меня Д. О. Шклярский, трагически погибший в годы войны. Эти энтузиасты руководили математическими кружками для школьников, интересовавшихся математикой, и принимали деятельное участие в организации и проведении ежегодных математических олимпиад московских школьников. Любовь к элементарно формулируемым трудным задачам осталась у И. М. на всю жизнь и сыграла важную роль в его просветительской деятельности.

22 июня 1941 года война прервала нормальный ход жизни страны. Братья Ягломы вместе с группой студентов мехмата и физфака МГУ подали тогда заявления с просьбой отправить их на фронт, но все они получили отказ. Осенью 1941 г. многих студентов этих двух факультетов мобилизовали и направили на учебу в военные инженерные академии, однако братья Ягломы в эти академии не попали, так как были признаны негодными к военной службе из-за сильной близорукости.

В октябре 1941 г. отец братьев Ягломов был эвакуирован вместе с семьей на Урал в г. Свердловск (ныне Екатеринбург). Там весной 1942 г. оба брата окончили математическое отделение физико-математического факультета Свердловского университета и поступили на работу в ленинградскую Главную геофизическую обсерваторию (ГГО), находившуюся тогда в Свердловске. Моя жена работала вместе с И. М. в отделе динамической метеорологии ГГО, которым руководил известный гидромеханик проф. И. А. Кибель. Она рассказывала мне, как тяжело жили в 1942–43 гг. эвакуированные в Свердловск москвичи и ленинградцы, голодавшие в прямом смысле этого слова.

В конце 1942 г. часть МГУ, эвакуированная прежде в Ашхабад, переехала в Свердловск и И. М. поступил в аспирантуру МГУ, где его руководителем стал проф. В. Ф. Каган. Немного позже я тоже оказался в аспирантуре мехмата, но теперь уже И. М. был на курс старше меня. Война подходила к концу, и мы оба вместе с уцелевшими друзьями — увы, многие мехматовцы погибли на войне — с радостью погрузились в научные занятия.

Летом 1945 г. И. М. окончил аспирантуру и успешно защитил диссертацию на тему о проективных мероопределениях на плоскости и их связях с некоторыми специальными системами комплексных чисел. После защиты диссертации И. М. недолго преподавал математику в Московском энергетическом институте, а затем по предложению А. Н. Колмогорова перешел на работу в редакцию математики вновь созданного Издательства иностранной литературы.

С 1950 г. начинается литературная деятельность И. М. Затем она уже неизменно занимала очень большое место в его жизни. Один или же с соавторами И. М. написал более 40 прекрасных популярных книг по математике разного объема и разнообразного содержания. Особенно следует отметить фактически созданную им серию «Библиотека математического кружка», большинство книг которой написано при его участии.

Воздействие популярных книг И. М. на молодых людей, интересующихся наукой, трудно переоценить. Начав читать любую из этих книг, трудно от нее оторваться, настолько увлекает стиль изложения и новизна материала, почти всегда требующего нестандартных подходов. Решение почти каждой из задач, рассматриваемых в этих уникальных книгах, —

это, по существу, небольшое математическое открытие, доставляющее глубокое чувство удовлетворения. Я уверен, что эти книги и сейчас не потеряли актуальности и требуют переиздания.

В 1947 г. я уехал из Москвы и мои контакты с И. М. временно прервались. В 1964 г. они возобновились и стали еще более тесными, так как, вернувшись в столицу, я принял участие в работе возглавляемой А. Н. Колмогоровым комиссии АН СССР по математическому образованию, ученым секретарем которой был И. М. Комиссия занималась реформированием преподавания математики в школе, для чего прежде всего нужно было изменить программы и учебники. В обсуждениях обычно участвовало 5–6 человек и И. М. всегда был одним из самых активных участников всех дискуссий. Мои и его взгляды на преподавание математики в школе были почти одинаковы: мы оба считали, что преподавание математики должно иметь общекультурное и прикладное (в самом широком смысле этого слова) значение и, кроме того, развивать пространственное воображение и умение рассуждать. С другой стороны, школьный курс надо разгрузить от вопросов, потерявших актуальность. И. М. любил повторять афоризм Д. К. Фаддеева: «В преподавании должна осуществляться презумпция виновности», т. е. каждое новое понятие и каждый метод надо вводить, лишь если есть уверенность в том, что в настоящее время они необходимы. При этом мы оба считали, что формально логическое совершенство изложения, требующее развития последовательного аксиоматического подхода, не должно быть идеалом школьного курса математики.

А. Н. Колмогоров был высокого мнения о педагогической деятельности И. М. и как-то даже сказал мне, что следовало бы присудить ему степень доктора педагогических наук без защиты диссертации. (И. М. имел тогда только степень кандидата физико-математических наук.) Я передал И. М. содержание нашего разговора, но он не выразил энтузиазма и несколько позже получил степень доктора физ.-мат. наук за свои работы по геометрии. Я не склонен умалять значение этих работ И. М., но все же думаю, что его педагогическая деятельность была более важной не только для читателей его книг, но и для него самого.

И. М. принадлежал к редкому сейчас типу энциклопедистов-просветителей. Круг его интересов и знаний как специальных, так и общекультурных, был поразительно широк. Живопись, театр, поэзия, кино, музыка, история всех стран и народов, философия — его интересовало все на свете. Он был завсегдатаем художественных выставок, официальных и неофициальных, не пропускал новых постановок в театрах и студиях, ходил на просмотры фильмов, не попадающих на широкий экран. . . В разговорах с ним вдруг выяснялось, что он был знаком с Д. Э. Эрзеей, беседовал с

Анной Ахматовой, переписывался с М. Эшером. От него я многое узнал о современной живописи и западном киноискусстве, от него впервые услышал о песнях Галича и Окуджавы, о романах Набокова и произведениях других, тогда мало кому известных авторов. В квартире И. М. висели картины и известных художников, и начинающих живописцев, некоторые из которых были подарены ему их создателями. На столах и полках можно было увидеть стихи современных авторов самых разных направлений. Богатство и разнообразие его знаний позволяло ему сопоставлять, казалось бы, далекие друг от друга факты. Я помню, например, его лекцию, во время которой он проводил глубокие аналогии между развитием музыки и математики.

И. М. поддерживал отношения со многими диссидентами, дружил с А. Д. Сахаровым со школьных лет. Мне он часто рассказывал о диссидентах и их идеях, давал читать самиздатскую и тамиздатскую литературу, предупреждая, чтобы я не показывал ее посторонним. И. М. не всегда соглашался с мнениями авторов этих книг и статей, но считал очень важным ознакомление людей с различными точками зрения. Единомыслие, догматичность он считал одним из основных пороков нашей системы и искренне радовался, когда видел хоть какие-то тенденции, ведущие к ее разрушению. Мне кажется, что он даже преувеличивал важность отмечаемых им тенденций: будучи по натуре оптимистом, он верил в возможность существенных изменений к лучшему в сравнительно недалеком будущем.

Стремление к многообразию взглядов И. М. распространял также и на математическую литературу. Так он высказывался за издание перевода оригинальных школьных учебников Г. Папи, основанных на бурбакистском подходе к математике, хотя сам категорически отрицал разумность преподавания на такой основе.

Нежелание приспособливаться к пожеланиям начальства сильно осложняло служебную карьеру И. М. Как уже отмечалось выше, в 1949 г. он потерял работу в Московском университете по причинам, не имеющим отношения к его деловым качествам. Только через год с лишним он сумел найти новую педагогическую работу, но не в Москве, а в педагогическом институте городка Орехово-Зуево в 90 км от Москвы.

Годы работы в Орехово-Зуево были очень плодотворными для его писательской деятельности, но трудными в бытовом отношении. Продолжая жить в Москве, И. М. регулярно ездил читать лекции в Орехово-Зуево. Лишь в 1956 г. он смог, наконец, получить работу в Московском государственном педагогическом институте. Однако в 1968 г. он был уволен из МГПИ опять-таки по причине, не имеющей отношения к качеству его преподавательской работы. Гнев начальства возвало подписание И. М. коллективного письма 99 московских математиков с протестом

против заключения в психиатрическую больницу математика А. С. Есенина-Вольпина за его правозащитную деятельность.

После этого И. М. несколько лет работал профессором математики в вечернем Metallургическом институте, а затем перешел на более интересную, но в бытовом смысле более трудную работу профессора вновь созданного Ярославского университета. Однако в 1983 году он был уволен и из Ярославского университета. По слухам, одной из причин увольнения было то, что руководство университета узнало о никогда им не скрываемой дружбе с опальным академиком А. Д. Сахаровым. Последние годы жизни И. М. работал старшим научным сотрудником Академии педагогических наук в Москве.

Скажу теперь немного о характере И. М. Он был несколько не от мира сего: проявляя активную заботу о многих людях, он мало заботился о себе самом. Участвуя во многих делах, он постоянно опаздывал, к чему уже все привыкли, но в конце концов всегда появлялся со своим огромным портфелем, набитым всевозможными книгами и бумагами. После окончания деловой части он садился за телефон и принимался звонить, договариваясь о следующих встречах или обмениваясь новостями. Телефон занимал в его жизни столь большое место, что я даже удивлялся, как у него остается время на писание книг. Часто после заседания он приглашал меня к себе поговорить о том, о сем за рюмкой коньяка и чашкой кофе. Наши семьи тоже были хорошо знакомы.

Возвращаясь к деловым контактам с И. М., отмечу, что когда он редактировал перевод интересного курса математического анализа Л. Берса, я обсуждал с ним некоторые разделы рукописи и сделал ряд замечаний. К сожалению после выхода перевода выяснилось, что Л. Берс «провинился перед нашей страной»: на очередном Всемирном съезде математиков он собирал подписи под письмом в защиту двух молодых математиков, посаженных в СССР в психиатрическую больницу за правозащитную деятельность. Поэтому книгу Л. Берса было запрещено упоминать, а И. М., который редактировал ее перевод и написал хвалебное предисловие, имел крупные неприятности.

Дальнейшие мои контакты с И. М. были связаны с нашим сотрудничеством со знаменитым физиком-теоретиком Я. Б. Зельдовичем. В начале восьмидесятых годов И. М. участвовал в значительной переработке интересной книги Я. Б. «Высшая математика для начинающих и ее приложение к физике». Эта книга была дополнена И. М. после чего в 1982 г. она вышла как книга Я. Б. Зельдовича и И. М. Яглома «Высшая математика для начинающих физиков и техников». Несколько раньше я вместе с Я. Б. участвовал в написании книги «Элементы прикладной математики». После этого Я. Б. предложил подготовить издание избранных глав обеих книг в виде книги трех авторов. И. М. и я составили примерный

план этого издания, но Я. Б. тогда увлекся другими делами и отказался от своей идеи. При этом он предложил, чтобы И. М. и я издали задуманную им книгу как книгу двух авторов с предисловием Я. Б. Мы с И. М. обсудили его предложение и даже начали работать, хоть и считали, что без участия Я. Б. книга многое потеряет. В результате предложенный Я. Б. план так и не был реализован.

На временном удалении становятся особенно ясными масштабы личности И. М. Я счастлив, что мне выпала удача дружить с этим замечательным человеком.